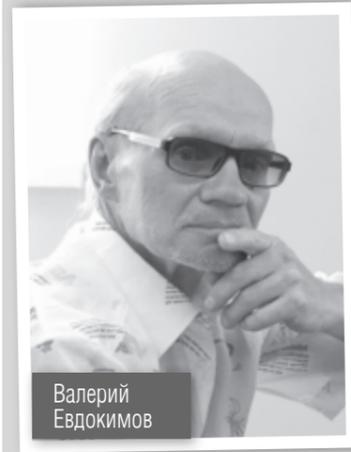

Поэзия

Валерий
Евдокимов

Валерий Евдокимов родился 6 ноября 1961 года в Магнитогорске. Учился в Челябинском медицинском институте. После службы в армии около 15 лет работал на станции скорой помощи и фельдшером в наркологическом диспансере. В 2000 году перешёл работать травильщиком на ОАО «ММК-МЕТИЗ».

С 2002-го – член литобъединения «Магнит» при газете «Магнитогорский металл». В 2005 году стал лауреатом литературного конкурса имени Ф. Т. Селянина, проводимого ГМПР России, за поэтические произведения о труженниках горно-металлургического комплекса. Дипломант первого городского литературного конкурса имени Бориса Ручьёва в номинации «Поэзия». В 2012 году стал дипломантом Южно-Уральской литературной премии «За возрождение Урала». Автор двух поэтических книг – «Билет до Луны» (2005 год), «Через Вселенную» (2011 год).

✍ Валерий Евдокимов

Отпусти, отпусти меня с миром
и назад никогда не зови.
Я разлукой помазан, как миром.
Одиночество – твой визави.
Отпусти без упрёка и плача
побродить под ослепшим дождём.
Ты не ангел, увя, я – не мачо.
Мы не в сказке с тобой живём.
Журавлиная песня допета,
прямомолкли навек соловьи...
Это выстрелил кто-то дуплетом
по светящейся нашей любви.
И, оглохнув от злобы сторонней,
мы роняем с тобой, не дивясь,
капли слёз, точно капельки крови,
и теряем духовную связь.
И куда, одиноким и сирым,
кораблям без рулей и ветрил?
Отпусти, отпусти меня с миром,
только в спину, прошу, не смотри!

Аритмия

Знать, таковы твои повадки
лисьи:
хитрить и ждать, желаньям
вопреки.
Украденное время – мои письма.
А у тебя они черновики.

Я опускал свои в почтовый ящик,
но вынимал оттуда пустоту.
Один из нас жил только
настоящим,
другой всё принимал, как суету.

И нашим мыслям негде пересечься.
Летят листья, летят в один
конец...

Какая, всё же, между нами
вечность!
Какая аритмия двух сердец!

Гроза! Гроза!
Лиловой тучей
глаз солнца рыжего затёк.
Забился ливень, как в падучей,
и с пеной бешеной истёк!

Какой напор, какая сила,
желанье вырваться из пут!
Природа в страхе голосила
всего лишь несколько минут.

И вдруг – всё разом замолчало:
Струит озоновый нектар.
Нарыв сам вскрылся.
Полегчало!
...Апоплексический удар!

Физикам и лирикам

Пишет Гранин: «Иду на грозу...»,
Тесла молнии прячет в кармане.
А я дождик за город везу
на фанерном аэроплане,
Нити молний сжимаю рукой,
Дождь упрятав в лиловую тучу.
Я его проведу над страной,
где июль раскаляется жгучий.
Где предвидится мёртвая сушь,
там я дёрну за нитку запала,

Справка «ММ»

Валерий Евдокимов родился 6 ноября 1961 года в Магнитогорске. Учился в Челябинском медицинском институте. После службы в армии около 15 лет работал на станции скорой помощи и фельдшером в наркологическом диспансере. В 2000 году перешёл работать травильщиком на ОАО «ММК-МЕТИЗ».

С 2002-го – член литобъединения «Магнит» при газете «Магнитогорский металл». В 2005 году стал лауреатом литературного конкурса имени Ф. Т. Селянина, проводимого ГМПР России, за поэтические произведения о труженниках горно-металлургического комплекса. Дипломант первого городского литературного конкурса имени Бориса Ручьёва в номинации «Поэзия». В 2012 году стал дипломантом Южно-Уральской литературной премии «За возрождение Урала». Автор двух поэтических книг – «Билет до Луны» (2005 год), «Через Вселенную» (2011 год).

✍ Валерий Евдокимов

Отпусти, отпусти меня с миром
и назад никогда не зови.
Я разлукой помазан, как миром.
Одиночество – твой визави.
Отпусти без упрёка и плача
побродить под ослепшим дождём.
Ты не ангел, увя, я – не мачо.
Мы не в сказке с тобой живём.
Журавлиная песня допета,
прямомолкли навек соловьи...
Это выстрелил кто-то дуплетом
по светящейся нашей любви.
И, оглохнув от злобы сторонней,
мы роняем с тобой, не дивясь,
капли слёз, точно капельки крови,
и теряем духовную связь.
И куда, одиноким и сирым,
кораблям без рулей и ветрил?
Отпусти, отпусти меня с миром,
только в спину, прошу, не смотри!

Моя параллель

Дом построю в лесу у ручья,
под разлапистой кряжистой елью.
Если спросят:
– А собственность чья?
Я отвечу:
– Одной параллели...
Параллельная жизни моей,
я, как пёс, к ней привязан незримо.
– Ну и ну! – скажут мне.
– Вам видней.
И пройдут удивлённые мимо.

Постою, прослежу за звездой,
что погаснет с лучами рассвета,
и уйду за заборчик живой
из цветущих кустов бересклета.
Параллель, хоть тебе не плачу!
Всё чужое душой отторгаю.
Дом в лесу, у ручья...
Так хочу!..
Стать соседями не предлагаю.

Бакен

По старому ржавому баку
коряво идут письма:
«Здесь были...»
Оранжевый бакен
качает речная волна.
Кто бросил его в мелководье,
где банок песчаных не счесть,
ведь здесь пароходы не ходят,
их отроду не было здесь.
Какие он видит границы
ослепшим своим фонарём?
Подруги, пролётные птицы,
приют отыскали на нём.
Пугает в тумане, как Кракен,
его силуэт-баламут.
«Тьфу, – сплюнешь, – да это же
бакен!

А Кракены в сказках живут».
Стоит, размечая фарватер
проржавленным стариком.
Давно б на металл его...
Хватит!

равняться ему с маяком.
В пустом металллическом баке
уже намечалась дыра.
Он как человек, этот бакен, –
на смертное ложе пора.
Один ляжет в землю, под травку,
душой в небеса воспарив.
А бакен уйдёт в переплавку,
на новый, быть может, отлив.
Коль снять не успеют – утонет
и станет норой пещарю.
Никто старый бакен не вспомнит,
встречая над речкой зарю...
Вот так – человек, в ком есть знаки,
что держат других на плаву.
Его жизнь качает, как бакен,
бросая с волны на волну,
а он проявляет характер,
душой подменяя металл,

«Нынче к звёздам реже я летаю...»

и метит плывущим фарватер
вблизи от невидимых скал.

Шедевры

Не сияют бездарные вещи,
хоть ты выстави их под софит.
Есть полотна, глядящие
в вечность –
в них глубинное пламя горит.
Даже воздух пред ними не плотен,
точно он ускользает в проём,
образованный светом полотен,
духом прошлого, связью времён.
Век людской – это он скоротечен,
а шедевры обходят века.
Только тонкая сеточка трещин
старину выдаёт в них слегка.

Нынче к звёздам реже я летаю.
Запылились линзы телескопа.
Может, я старею?

Я не знаю...
А старею, значит, катастрофа!
Боже мой, чем голова забита:
поисками истины и хлеба!
Я проспал полёт метеорита,
расколовшего над головою небо.
Очевидность – праздник
для поэта.

Я его проспал! и вот дешёво
я ишу в анналах Интернета
это мной прозёванное шоу.
Вот теперь спроси меня
про звёзды,

и увидишь, как я покраснею.
Разбазарил мысли, чувства, вёсны...
Значит, не ошибся: я – старею!

У Земли два полюса,
где сплошные льды.
У Земли два голоса
и они – альты.

Роторы да статоры –
магма плюс ядро –
спелась. У экватора
выгнулось нутро.

Север с Югом в инее,
в вечной мерзлоте.
Силовые линии –
струны на альте.

Это как два бонуса,
два слепых пятна.
У Земли два полюса.
Ось на всех одна.

Белые подушки
с каждой стороны.
Спи, Земля-старушка,
сладко до весны.

Пусть над мирозданьем
вспыхнут до зари
полюсов сияния,
словно фонари.

Горячка

Под нежной пенкой облаков,
духовкой дня нагрето,
небес томилось молоко
и подгорало лето.
Томата кустик, хил и тощ,
качался от досады,
что затерялся где-то дождь
с обещанной прохладой.
Струились к небу жар и пар,
как будто ненароком
прижалось солнце-кашевар
к земле калёным боком.
Сияло в миллион свечей.
А на лузу, за садом
на шампура его лучей
коров наткнулось стадо.
Не покачнуло в этот день
от ветерка ни ветки,
и даже выгорела тень
внутри пустой беседки...
Когда в горах недалеко
темно загрохотало,
небес сбегало молоко
в низины Урал-Тау.
Когда томата кустик тощ
прохлада всколыхнула,
ударил сильный плотный дождь
и молния блеснула.

Горячка яростного дня
сошла с водой высокой,
и прокрутилась в ночь Земля
полусожжённым боком.

Урок литературы

Я помню тот урок литературы:
дышалось в классной комнате
весной.
Скользил мой взгляд настырный
по фигуре
смущённой практикантки
молодой.

Она писала тему сочинений,
кроша о доску розовый мелок:
«Поэт в России...» Было сорок
мнений,
но все они давно ушли в песок.

Мой опус мог бы прозвучать
как выстрел,
дойдя до безысходной прямоты:
«Я не поэт в каком-то вашем
смысле,
зато поклонник чистой красоты.

Мне не хватает вашего
вниманья...»
Всё в том же стиле. Боже, как она
мои страницы робкого признанья
перевела в волшебные слова?

Поставила отметку стержнем
красным.
Выдерживая правила игры,
так дописала: «Это же прекрасно,
когда стихами пишут школяры!»...

Моей далёкой юности «амуры»!
Подумалось, что было бы со мной,
когда бы не урок литературы,
не облик практикантки молодой?

На барометре – переменно:
ождается дождь или сушь?..
Остаются ли в нас неизменны
шкалы наших отчаянных душ?

Вот ты лезешь под нож,
точно боров,
вот ты в ступор впадаешь,
какмышь.
Кто вращает настройки приборов,
то глуша, то взрывая в нас тишь?

Мы как свет, проходящий
сквозь призмы,
чувств и мыслей бездонная смесь.
Доводите души механизмы
до пределов, которые есть.

Поверните верньер непременно
на деленье хотя бы одно...
На барометре переменно,
на душе переменно-темно.

Как по речке Белой
лебедь белый плыл,
ничего не делал,
только крылья мыл.
Лапками да хвостиком
путь свой направлял
и под лунным мостиком
лебедицу ждал.
Поджидал без срока
днём и при звезде:
в камыше высококом
любешка в гнезде.
Над птенцом дебелые
крылья развела:
вниз по речке Белой
поплывёт она.
Вслед за нею хвостиком
двинется птенец:
там, под лунным мостиком
ждёт семью отец.

Памяти Сергея Рыкова

Не убивайте белых лебедей.
Как надоел унылый вид погоста!
Ушёл из жизни лучший из людей,
без шарма, шика, буднично
и просто.
Его перо не чувствует рука,
и, видимо, найдя на всё ответы,
он из казённой койки в облака

любимые шагнул свои... Поэты!
Вы – птицы очень редкостных
пород,
чтоб всё исчезли сразу –
не приемлю!
И, чуть помедлив, опускают гроб
в разбухшую мартовскую землю.

Время стреляет дуплетом...
Глянешь сегодня в оконце:
господи, кончилось лето!
В небе – осеннее солнце.
Время несётся лавиной.
Лето, зима – год окончен.
Жизни прошла половина.
Как половина?! А впрочем,
было предсказано свыше
каждому – в море, на суше –
сколько ещё мы надышим
прежде, чем выдохнем души.
Жизни отпущенной бремя –
равные две половины:
время – закладывать семья,
время – лелеять седины.
Время стреляет дуплетом:
в высохшем жизни колодце
бренность отправится в Лету,
вечность останется Солнцу.

Кто первый встал, тот варит
кофе,
впускает в комнаты рассвет.
Ах, не своди печально брови –
у нас прислуги в доме нет.

Гремит посудой, ставит чайник,
а тот свистит, как коростель.
Ну да, сегодня я – начальник,
и, значит, завтрак мне в постель.

Такой у нас закон негласный.
Во всём блюде мы паритет.
– Готов твой кофе...
Безучастный
взгляд отрываю от газет.

Портьера сдвинута в сторонку.
Какая прелесть ты, мой друг,
ведь подошла, как незнакомка,
ведь приняла в объятья рук!

И поцелуем одарила:
– Кто поздно встал, с того обед!
И без нажима повторила:
– У нас прислуги в доме нет.

Последний на Земле

Я бреду по пустынной планете.
Ни людей, ни огня, ни жилища
я за долгие годы не встретил.
Неужели всё это – Земля?

Прохожу мимо хаоса, мимо
водоёмов... Но где в них вода?
В сером пепле печального грима
предо мною лежат города.

Только ветер рычит в озверенье,
засыпая за мною следы.
Кто и где я? В каком измеренье?
И где, Господи праведный, ты?

Вразуми и наставь, молви слово!
Дай мне встретить хоть душу
одну!..

В сотый раз океаны я снова
пересёк по просохшему дну.

Не зажглось в отдаленье оконца
с очагом золотого огня.
Бледный шар отгоревшего Солнца
ежедневно встречает меня.

И приветствует: что, одиночка,
вместе встретим последние дни?..
Значит, миру поставлена точка?
Значит, впрямь я и Солнце – одни?

Но когда же разверзлись
те тверди?

Почему не ушел я, как все?
Одиноким остался ждать смерти
на пустынном погосте – Земле.

И другой не найдётся причины
тихо двери прикрывать за собой...
Только звёзды оплачут кончину,
перемигиваясь над головой.